

Ольга Илюха

Финский фактор в развитии школьного дела в Российской Карелии в начале XX века

Стержнем процесса национального пробуждения Финляндии в XIX в., формирования национального самосознания стало просвещение народа, развитие образования. Идеолог феннофильского движения Йохан Снельман опирался на мысль о том, что «маленькая Финляндия не в состоянии добиться чего-либо силой, поэтому ее единственное спасение заключено в образовании»¹. Развивавшаяся в составе России, но имевшая свое законодательство, Финляндия к началу XX в. значительно ушла вперед в отношении народного образования, чем вызывала зависть у русских либералов. За период с 1875 по 1905 г. число сельских начальных школ в княжестве выросло с 285 до 2400, а количество учащихся — с 11,4 тыс. до 100,4 тыс. Численность студентов в Финляндии относительно общей численности населения трехкратно превышала показатели по империи в целом². Перепись населения 1897 г. показала, что каждый второй житель Финляндии является грамотным, тогда как в соседней Олонецкой губернии — лишь каждый пятый³.

На российском официальном уровне успехи финской школы оценивались не столько как образец для подражания в других частях империи, сколько воспринимались как угроза русским интересам в Финляндии⁴. Вместе с тем публикации учителей и других авторов в российской центральной и провинциальной печати, имевшие пеструю политическую окраску, так или иначе знакомили читателей в разных уголках империи с состоянием школьного образования в Финляндии⁵. Одно из таких описаний было опубликовано в литературном

¹ Цит. по: *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 72.

² *Кузницкий С.* Финляндия. Ее население и культура в цифрах // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 17. С. 406–407.

³ *Кузницкий С.* Указ. соч. С. 407.

⁴ *Расила В.* Указ. соч. С. 104.

⁵ *Анушин В.* наброски о Финляндии (Путевые заметки) // Сибирские отголоски. 1910. № 41–42; *Кузницкий С.* Указ. соч.; *Народная учительница.* Кое-что о Финляндии (Финляндия как культурная страна) // Архангельские губернские ведомости. 1910. № 189; *Онин Д.* Народные школы в Финляндии // Финляндская газета. 1910. № 161; *Шекснин.* Отношение финляндцев к русской школе в Карелии // Финляндская газета. 1911. № 110; *Сибирский Ф.* Расплата за культуру (Финляндия и Россия в культурном отношении) // Уральский край. 1911. № 164; Из школьной жизни епархии (финляндской) // Православный финляндский сборник. 1910. № 4. С. 37–50 и др.

приложении к журналу «Нива» за 1902 г. Его автор – учитель школы в карельском селе Кимасозеро И. В. Оленев, неоднократно путешествовавший в 1890-х гг. по Финляндии. По стечению обстоятельств во время одной из своих поездок он оказался в финской сельской воскресной школе. Восхищенный постановкой дела, Оленев писал: «Я был поражен этой картиной и забыл, что мне необходимо скорее ехать вперед. Для меня, русского, родившегося и много лет прожившего в деревне, все тут было необыкновенно: и воскресная школа в деревенской глуши, и крестьянский батрак-учитель, и праздничное времяпровождение финских детей. Здесь все грамотны...»¹. Прекрасный педагог-практик, И. В. Оленев не мог не обратить внимания на то, что умение читать и писать в крестьянской среде является достоянием отнюдь не только младшего поколения. Потомственная грамотность крестьян создавала благоприятные условия для развития школьного дела. И. В. Оленев констатировал: «В народную школу дети поступают уже грамотными: читать и писать они учатся у матери. Финская поговорка гласит, что когда работает финская женщина, у нее заняты голова, руки и ноги: одной ногой она качает колыбель, другой – самопрялку, левая рука управляет пряжей, а правую – трудолюбивая мать показывает буквы и картинки своему учащемуся сыну»².

Крестьяне западных районов Российской Карелии также могли получить собственное представление об условиях обучения и состоянии народных школ княжества. Приграничные территории этого региона – Олонецкий, Петрозаводский и Повенецкий уезды, а также населенные карелами волости Кемского уезда Архангельской губернии на протяжении длительного времени были зоной постоянных контактов карельского и финского населения. Карелы-коробейники нередко осваивали во время своих продолжительных торговых поездок и походов умение читать и писать по-фински. Говорили, что финскую грамоту, как и товар, «приносят на себе». Однако отсутствие статистики не позволяет оценить масштаб этого явления.

Именно коробейники сыграли ключевую роль в создании школ на финском языке в Карелии. В 1876–1878 гг. неграмотный крестьянин Алексей Лесоев с помощью своих сыновей, обучившихся читать и писать по-фински у коробейников, устроил подобие школы в родной деревне Каменное Озеро (Кивиярви), где по воскресеньям крестьянские дети выводили углем буквы на деревянных дощечках. Финский язык, близкий к северокарельскому наречию, имел экономическое

¹ Цит. по: *Оленев И. В.* Карельский край и его будущее в связи с постройкою Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. С. 19.

² Там же.

значение, поскольку обеспечивал свободу коммуникации, а значит, и возможность заработка. Крестьяне отдавали детей в финноязычную школу, видя в этом экономический смысл. После закрытия в 1878 г. школы, устроенной Лесоевым, ее работа возобновилась лишь десять лет спустя, но уже с более широкой программой: теперь здесь учили не только чтению и письму, но и счету, а также пению. Учительницами были местные грамотные девушки, а материальное содействие шло от местных коробейников и купцов из Финляндии. Однако и это учебное заведение уже через год было закрыто российскими властями, опасавшимися финского влияния. Дети Алексея Лесоева – сын Пекка (Петр) и дочь Елена (Олена) одними их первых получили специальное образование в Финляндии и стали учительствовать на родине¹.

В той же деревне Каменное Озеро, расположенной в непосредственной близости от Финляндии, на рубеже веков вновь была предпринята попытка организации школы, где обучение велось на родном языке. Инициатором стал Ииво Марттинен (урожденный Иван Мартынов), долгое время торговавший в Финляндии. Учебные принадлежности для школы, располагавшейся в обычном крестьянском доме, также приобрели по ту сторону границы. В 1902 г. школа была закрыта российскими властями, поспешившими найти средства и быстро построить специальное здание для русской школы².

За неимением учебного заведения в своей деревне карельский крестьянин мог отдать детей на учебу в соседнюю Финляндию. Там же нередко получали и специальное образование. Молодежь Беломорской Карелии училась в Сортавальской учительской семинарии, Высшем народном училище в Импилахти, народном училище Куусамо и др.³ Побывав в хорошо обеспеченной финской школе, карелы, по свидетельствам русских учителей и чиновников, предъявляли более высокие требования и к обустройству школы на родине. Если была возможность выбора, то они охотнее отправляли детей в образцовые училища министерства народного просвещения, нежели в бедные земские школы. Не случайно русские инспектора с досадой отмечали, что для карела важна «казовая», т. е. внешняя сторона школы⁴.

¹ *Vuoristo V.* Vuokkiniemen pitäjän Kivijärven kylän kouluoloista vuodesta 1850 vuoteen 1919 // *Karjalan heimo.* 1971. N 1–2. S. 7; *Nevalainen P.* Oppia kansan kielellä. Vuokkiniemen koululaitos kansallisen heräämisen aikana // *Tupenkolahuttajien mailla. Vukkiniemi esihistoriasta toiseen maailmansotaan.* Mustasaari, 2006. S. 256–257.

² *Nevalainen P.* Op. cit. S. 257.

³ *Vuoristo V.* Ikävä omia maita. Muisteluksia vanhasta Vienan-Karjalasta. Keuruu, 1983. S. 187, 194–195.

⁴ Краткая записка о развитии состояния грамотности в Повенецком уезде за 27-летний период времени с 1867 по 1893 г. Повенецкой уездной земской управы. Петрозаводск, 1896. С. 17.

Первые известные нам официальные заимствования финляндского опыта организации школы в Олонецкой губернии относятся к концу XIX в. В январе 1895 г. Олонецкое губернское земское собрание приняло решение о разработке и постепенном осуществлении плана всеобщего начального обучения в губернии¹. Пытаясь найти наиболее экономичный способ обеспечения школами редконаселенного края, олонецкие земцы обратили внимание на Финляндию, где эффективно работали передвижные школы. Переезжая из селения в селение, учитель такой школы успевал за 2–3 месяца добиться определенных результатов в обучении учеников. Эксперименты с организацией подобных школ с кратким сроком обучения в Карелии успеха не принесли, поскольку обучение здесь велось на русском языке, а карельские дети поступали в школу, не зная по-русски ни одного слова².

В то же время были сделаны конкретные шаги для использования финляндского опыта по обучению школьников рукоделию, а также по созданию школьных хоров. Как одна, так и другая меры должны были, по замыслу чиновников, способствовать повышению привлекательности школы. В 1901 г. дирекцией народных училищ Олонецкой губернии была разработана специальная школьная программа по рукоделию. Петрозаводское уездное земство в 1900–1903 гг. не только организовало специальные курсы для учительниц по кружевному мастерству и ткачеству, но и создало передвижной класс, пригласив для этих целей мастерицу Лайтинен из Финляндии. Ставилась задача организации при каждой школе детского хора, способного петь в церкви и таким образом «возвысить школу в глазах народа»³.

В годы первой русской революции особым обстоятельством в развитии школы Карелии стало усиление «финляндского фактора». Заброшенная, спокойная окраина России в этот период привлекает к себе внимание и вызывает озабоченность правительства. Рост в соседней Финляндии антироссийских настроений сопровождался повышением интереса к соплеменникам-карелам, поиском общих финно-угорских корней, объединяющему прошлому и, как представлялось, общему будущему.

¹ Левитский С. А. Исторический очерк вопроса о введении в Олонецкой губернии всеобщего обучения. Петрозаводск, 1905. С. 2–6.

² Попов Г. А. Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1903 г. Петрозаводск, 1904. С. 32.

³ Попов Г. А. Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1901 г. Петрозаводск, 1902. С. 19; *Он же*. Отчет о состоянии народных училищ Олонецкой губернии за 1903 г. С. 13–14.

Опасения российских властей вызывала угроза проникновения идей панфиннизма — идеологии, выражавшей стремление к сближению и объединению финно-угорских народов, вплоть до создания «Великой Финляндии». Воспользовавшись уступками, на которые самодержавие было вынуждено пойти в годы первой русской революции, в Российскую Карелию отправляются финские лютеранские миссионеры и проповедники. Просветительскую работу в Карелии организует Союз беломорских карел, основанный в 1906 г. в г. Тампере переселившимися в Финляндию беломорскими карелами¹.

Для осуществления своей программы в области школьного дела Союзом было создано специальное школьное правление. С осени 1906 г. Союз беломорских карел начал создавать в Архангельской Карелии передвижные школы с преподаванием на финском языке, библиотеки и читальни, укомплектованные книгами из Финляндии. Первой открылась школа в районе Вокнаволока, позже — школы в Ухте и волости. По плану эти учебные заведения должны были работать не менее двух месяцев в каждом населенном пункте. Преподавание осуществлялось по безрелигиозной программе: 30 часов в неделю отводилось занятиям чтением, письмом, арифметикой, ручным трудом или пением. В ухтинской школе также работал ремесленный класс². Школы с финским языком пользовались поддержкой населения. Вокнаволоцкие крестьяне Сафрон Ремшу и Федор Семенов отвели в своих домах помещения для занятий школьников³.

Эта деятельность не ускользала от внимания русских властей, для которых все более актуальным становился поиск ответа на вопрос: с кем карелы, с Россией или с Финляндией, насколько они верны и преданы царю и Отечеству? В борьбе за православие и «русскую идею» на этой северной российской окраине использовались различные средства в сфере политики, экономики, культуры. Особая роль в их осуществлении наряду с церковью отводилась школе. Уже в августе 1906 г. на втором съезде инспекторов Олонецкой губернии были выработаны меры «для возвышения и правильной организации школ, пограничных с Финляндией». Наряду с планами открытия новых школ и преобразования ряда из них в школы повышенного типа был определен принципиально важный ориентир, задававший равнение

¹ О деятельности Союза беломорских карел см. статью Марины Витухновской в данном сборнике.

² Merikoski K. Uhtualainen kansanopettaja // Viena-Aunus. 1936. N 1—6. S. 6—10.

³ См. подробнее: Iljuha O. Rahvas opintiellä: Vuokkiniemen koululaitos 1800- ja 1900-luvulla // Tupenkolahuttajien mailla. Vuokkiniemi esihistoriasta toiseen maailmansotaan. Mustasaari, 2006. S. 234—255.

на финскую школу: «...всесторонне изучить состояние низшего начального образования в Финляндии с тем, чтобы воспринять лучшее и ввести в наших школах»¹. Этот подход вполне соответствовал общей направленности в модернизаторской деятельности олонецкого земства, ориентировавшегося на достижения Финляндии во многих сферах, пропагандировавшего финский опыт в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, лесопользовании и т. д. Православной по духу школе в Российской Карелии следовало догнать и перегнать по своему благоустройству финскую лютеранскую школу, чтобы выиграть сражение за «души» учеников.

В более жесткие формулировки были облечены решения съезда православного духовенства Олонецкой епархии, состоявшегося в Видлицах в январе 1907 г. Съезд, занявший решительную русификаторскую позицию, выдвинул идею создания «щита из церковно-приходских школ» на границе с Финляндией. Характерно, что и православно-оборонительная тактика деятелей церкви не обошлась без заимствований опыта враждебной стороны: для усиления миссионерской деятельности было предложено по финляндскому образцу ввести институт катехизаторов, которые бы осуществляли постоянную работу в каждой деревне². Съезд считал необходимым внести изменения в план всеобщего обучения: на границе с Финляндией открывать церковно-приходские школы, а не земские. Уже имеющиеся школы предлагалось преобразовать в церковно-приходские, создав таким образом заслон проникновению лютеранства³.

В этом решении проявилось желание, воспользовавшись ситуацией, укрепить падающий авторитет ЦПШ. Планы, не согласованные с Дирекцией народных училищ, вызвали ее возмущение и протест по-венецкого уездного земства⁴. Так называемая «панфинская пропаганда» обнажила подспудно назревавший конфликт между светской и духовной школами, претензии духовенства на первенство в деле образования народа. Инцидент получил огласку в прессе, и лишь вмешательство губернатора Н. В. Протасьева смягчило возникшую напряженность в отношениях представителей гражданского и церковного ведомств, чей союз в школьном вопросе составлял заслугу и предмет

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК), ф. 335, оп. 1, д. 11/173, л. 28.

² *Витухновская М. А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. Хельсинки; СПб., 2006. С. 146.

³ *Попов Г.* О панфинской пропаганде и мерах для борьбы с нею. Петрозаводск, 1907. С. 4–5.

⁴ Там же; НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 102/2, л. 58–59.

гордости олонекского губернского земства¹. В дальнейшем светская и церковная школы губернии выступили единым фронтом в борьбе против лютеранского влияния, в организации защиты границы школами.

В Архангельской губернии были сделаны шаги в том же направлении. Еще в декабре 1906 г. на собрании представителей духовенства Архангельской епархии в Ухте обсуждались меры для улучшения постановки школьного дела в Беломорской Карелии². Предлагалось организовать в Ухте школу со вторым классом и миссионерским курсом обучения, которая готовила бы учителей для карельских приходов подобно Сортавальской семинарии. Намечалось также поднять жалованье учителям, приобрести дополнительные школьные принадлежности, чтобы русские школы стали привлекательнее финских.

В сентябре 1907 г. состоялся съезд «русских деятелей» в Кеми, в котором участвовали представители православного духовенства Архангельской и Финляндской епархий, чиновники школьного ведомства. Съезд принял решение просить Святейший Синод об открытии новых церковно-приходских школ в селениях, «каковые подвержены опасности со стороны панфинского движения». Был сделан акцент на необходимости религиозно-нравственного воспитания детей, поскольку «школы и училища карельского края помимо своего общеобразовательного значения должны иметь особенно важное миссионерское значение». Учителям школ, удаленных от приходских храмов, рекомендовалось собирать учащих в праздничные дни в часовнях и приписных храмах для совершения богослужения. Постановление съезда также предписывало учителям всемерно сближать школу с семьей, «входить в более близкое общение с родителями учащих путем устройства школьных праздников, местных кружков ревнителей православного просвещения под руководством приходских священников, народных чтений, организации кружков трезвости, особенно среди молодежи»³.

В условиях информационной войны, развернувшейся в прессе между сторонниками панфиннизма и деятелями православных просветительских организаций великодержавного толка, в газетах публиковались невероятно высокие цифры о числе школ, открытых Союзом беломорских карел⁴. В действительности за 1906–1907 гг. в передвижных

¹ НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 102/2, л. 37, 58, 59, 68.

² Подробнее о съездах духовенства см.: *Витхунговская М. А.* Российская Карелия и карелы... С. 137–148.

³ НА РК, ф. 240, оп. 3, д. 3/27, л. 38–44.

⁴ Laatokka. 1907. N 42.

школах, где преподавали Архип Гаврилов, Дарья Афанасьева, Исаак Пирхонен, Василий Дорофеев (Ваара), прошли обучение около 200 карельских детей¹. Учителем в школах в основном выходцы из Карелии, получившие образование в учебных заведениях Финляндии, в частности – в Сортавальской учительской семинарии. Впоследствии российские власти уже не принимали их на учительские должности как скомпрометировавших себя служением «панфинской идее»².

Получившим известность преподавателем русской школы в Ухте был выпускник Сортавальской семинарии уже упоминавшийся П. А. Лежев (Пекка Лесоев). Здесь стали популярными организованные Лежевым вечера, где его лекции сопровождалось хоровым пением и, что особенно привлекало публику, демонстрацией световых картин с помощью «волшебного фонаря». Лекции имели идеологически нейтральную тематику, однако читались на карельском языке. Вскоре Лежев получил предупреждение от исправника из Кеми о том, что вечера на карельском языке проводить не следует. Значительно большее раздражение властей вызывала пропагандистская работа Лежева среди населения, объяснявшего ухтинцам во время доверительных бесед, что они «не русские, а финны».

1 января 1906 г., вскоре после создания местного отделения конституционно-демократической партии, в Ухте по инициативе Лежева состоялось массовое шествие под красным флагом, на котором были написаны буквы КДП («Конституционно-демократическая партия»). С утра в шествии приняли участие дети, а вечером – взрослые. В том же году, чтобы избежать неминуемого ареста, П. А. Лежев вынужден был уехать в Финляндию³.

В сентябре 1907 г. по распоряжению архангельского губернатора неофициальные финские школы в Беломорской Карелии были закрыты, а некоторые члены Союза, активно участвовавшие в просветительской работе, арестованы⁴. Их деятельность воспринималась российскими властями как попытка «олютеранить» и «офинить» ка-

¹ Ranta R. Vienan Karjalaisten Liito ja rajantakainen koulukysymys 1906-10 // Rajamailla IV. 1997. Rovaniemi, 1998. S. 123–125; Первый отчетный год с 17 февр. 1908 г. по 1 авг. 1908 г. деятельности Архангельского Православного Беломорско-Карельского Братства во имя св. Архангела Михаила. Архангельск, 1908. С. 11–12; Новые данные о панфинской и лютеранской пропаганде в Беломорской и Олонецкой Карелии // Московские ведомости. 1907. 20 апр.

² НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 102/2, л. 32.

³ Merikoski K. Uhtualainen kansanopettaja. S. 6–10.

⁴ Ranta R. Op. cit. S. 132.

рел с целью отторжения Карелии от России¹. Деятели церкви также не сомневались, что просветительская деятельность учителей, получивших образование в Финляндии, пронизана лютеранским духом и может нанести непоправимый вред населению православных приходов. Союзу пришлось изменить тактику и приемы своей работы. В новых условиях ставка была сделана на привлечение карельских детей в школы Великого княжества Финляндского, расположенные вблизи границы.

Осенью 1907 г. на общем собрании Союза беломорских карел в Инко (Нюландской губернии) постановили брать в школы Финляндии на полный пансион мальчиков и девочек из Карелии, чтобы определить их потом в финские семинарии и университет². В финских школах карельские дети обеспечивались бесплатным питанием, нуждающиеся получали обувь и одежду. Размещались дети в финских семьях, им обеспечивался бесплатный проезд с родины. Для этих целей собирались пожертвования не только в Финляндии, но и в других странах, привлекались средства финских просветительских обществ³. 1 апреля 1908 г. при народном училище в Куусамо Союзом беломорских карел были открыты курсы с довольно специфической, но идеологически «прозрачной» программой. Кроме обучения рукоделию курсантам предстояло слушать лекции по следующим предметам: «...предыстория родственных финнам племен; история Финляндии, определенным образом объединенная с историей Карелии; фольклор финнов; очерки истории литературы Финляндии; обществоведение и народное хозяйство, а также география и естествознание, сельское хозяйство и гигиена»⁴. В перерывах планировалось заучивание и пение национальных песен. Первый набор учащихся составил 75 чел., из них 37 прибыли из Беломорской Карелии⁵.

Ухтинский священник И. Чирков так характеризовал ситуацию: «Село Ухта – центр Кемской Карелии и на него главным образом обращено внимание пропагандистов из Финляндии, имеющих целью объединение с карелами и отделение Карелии от России... С запрещением в селе Ухте и окрестностях нелегальных финских школ и

¹ Подробнее об этом: *Илюха О. П.* Создание школьной сети и организация народного просвещения в Беломорской Карелии во второй половине XIX – начале XX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 64–87.

² Laatokka. 1907. N 42.

³ Kansallisarkisto, ККК, Hd 102. Записка, подготовленная в канцелярии генерал-губернатора Финляндии о панфинской пропаганде. 28 дек. 1913 г.

⁴ *Ranta R.* Op. cit. S. 136.

⁵ *Ibid.* S. 136, 138.

ремесленных мастерских финские общества теперь действуют другим путем: устраивают на границе Финляндии школы для карельских мальчиков, а для девиц — школы рукоделий и домоводства, принимают на себя все дорожные расходы и по содержанию в интернатах школ; агитируют в составлении приговоров о необходимости совершения в приходском храме богослужений и треб на финском языке»¹.

Для отпора стремлениям «офиннить» и «лютеранить» карел деятелями русской церкви при поддержке государственной власти 17 февраля 1908 г. в Архангельске было учреждено Православное беломорско-карельское братство во имя св. архангела Михаила. Одним из основных каналов укрепления позиций православия в крае Братство считало школу, поэтому уделяло ее развитию первостепенное внимание². Совет Братства принял на финансирование церковно-приходские школы в Контокки, Кестеньге и Тихтозере, содержавшиеся прежде на средства Архангельского епархиального комитета православного миссионерского общества³.

Для выработки «правильных» мер по борьбе с «панфинской пропагандой» архангельский губернатор И. В. Сосновский летом 1908 г. лично посетил Беломорскую Карелию. Губернатор поставил вопрос о постройке шоссейных дорог, которые бы связали этот край с внутренними районами страны, стал ходатайствовать об увеличении здесь школ с общежитиями при них, об усилении преподавания в них ручного труда и сельского хозяйства, об увеличении числа врачей, учреждении новых должностей агрономов и улучшении экономического положения православного духовенства⁴. Из всех планировавшихся мероприятий наибольшие результаты были достигнуты именно в школьной сфере.

В 1909 г. школы Министерства народного просвещения были во всех карельских волостях Кемского уезда, за исключением трех — Маслозерской, Подужемской и Тихтозерской, где имелись только церковно-приходские школы⁵. Всего в 1908/09 учебном году занятия шли в 26 школах: 10 церковно-приходских, 15 одноклассных сельских училищах и одном двухклассном (в Ухте), находившихся в подчинении Архангельской дирекции народных училищ. Среди сельских училищ 7 значились «министерскими», а 9 — «общественными»⁶.

¹ *Св. Иоанн Чирков*. Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // Архангельские Епархиальные Ведомости (АЕВ). 1908. № 7. С. 208—209.

² Первый отчетный год с 17 февр. 1908 г. по 1 авг. 1908 г. ... С. 6.

³ АЕВ. 1908. № 18. С. 6.

⁴ Финляндская газета. 1913. № 241.

⁵ Там же; Обзор Архангельской губернии за 1909 г. Архангельск, 1910. С. 128.

⁶ Архангельская Карелия. Архангельск, 1908. С. 86.

Двухклассные училища открывались только по просьбе крестьянских обществ, заявлявших в своих приговорах о потребностях сельского населения в повышенном образовании. Во втором десятилетии XX в. открылись двухклассное училище в селении Летнеконечное и училище в Кестенге, состоявшее только из второго класса (продолжительность учебы во втором классе составляла три года). В разные годы во вторых классах этих училищ обучались от 3 до 9 учеников. Дети из соседних сел не могли учиться здесь из-за отсутствия общежитий¹.

В 1907 г. затраты на содержание одного ученика в Беломорской Карелии составляли в училищах Министерства народного просвещения 32,4 рубля, а в школах ведомства православного исповедания — 14,8 рубля в год². Значительная разница объясняется отчасти тем, что расходы на учителей ЦПШ были меньшими, для этих школ родители учеников предоставляли дрова, свечи и керосиновые лампы, помогали в уборке и ремонте помещений.

Внимание, которое уделялось в начале XX в. светской школе, вызвало недовольство церкви. Священники, немало сделавшие для развития системы образования, для создания заслона проникновению лютеранства из Финляндии, чувствовали себя незаслуженно обиженными. Они пророчили неизбежное «падение нравственности» карел, поскольку Закон Божий в училищах Министерства народного просвещения подчас преподавали учителя, не имевшие богословского образования, многие из которых вовсе не бывали с учениками в церкви. Пытаясь перетянуть на церковную школу куцее финансовое «одеяло» российского просвещения, священники, не скрывая раздражения, рассуждали: «Думские миллионы сыплются исключительно облюбованному „министерству“, а церковной школе, которая кроме обучения осуществляет и цели воспитания, не перепадает от думцев даже и крох <...> Чтобы хоть сколько-нибудь обеспечить православным карелам стояние в вере предков, нужно рядом с каждым „министерским“ училищем открывать и церковную школу, а в противном случае все училища по глухим деревням передать церковному ведомству...»³.

Власти Олонецкой губернии использовали шум, поднятый вокруг «панфинской пропаганды», как беспроницаемый аргумент в добыва-

¹ НА РК, ф. 240, оп. 3, д. 6/66, л. 18.

² Архангельская Карелия. С. 80.

³ Нужды и утешение северной окраины. К вопросу о школьном просвещении беломорских карел Кемского уезда // Православный финляндский сборник. 1910. № 2. С. 103.

нии средств на развитие школы. Истерия в местной и центральной печати вокруг вопроса об опасности панфиннизма способствовала быстрому получению казенного кредита на создание сети школ в карельских уездах. При вмешательстве лично П. А. Столыпина уже осенью 1907 г. на эти цели были отпущены необходимые средства. В дальнейшем приграничные школы остаются в зоне пристального внимания властей¹. Министерство внутренних дел в своем отношении от 19 февраля 1908 г. обратилось в Министерство народного просвещения с предложением об открытии новых училищ в Карелии на границе с Финляндией и об упорядочении существующих². В эти годы доминировавшие прежде экономические аргументы распространения грамотности и просвещения (предполагалось, что крестьянин, получивший даже минимальное образование, будет более рационально вести хозяйство) сменяются мотивами идеологическими.

Полученный государственный кредит позволил к 1909 г. завершить устройство школьной сети в карельских уездах Олонецкой губернии (в 1909 г. здесь имелось 350 училищ различных ведомств, одна школа приходилась на 45 детей школьного возраста³), тогда как в губернии в целом формальные условия для всеобщего начального обучения (необходимое количество ученических мест) были созданы лишь в 1913 г. За два года в трех приграничных уездах были открыты 62 новые школы. Первоначально вновь открытые школы размещались в арендованных крестьянских избах. Осенью 1907 г. во многих карельских деревнях кипела работа по подготовке таких зданий к учебному году (нужно было вовремя отчитаться в использовании государственного кредита): прорубались дополнительные окна и двери, переносились стены, клались печи, белились потолки, оклеивались обоями стены, изготавливались парты⁴. Лишь со временем новые школы получали специально построенные здания.

По мнению властей, школы в пограничных волостях не должны были уступать школам Финляндии не только в отношении организации учебного процесса и уровня обучения, но и по внешнему облику и материальной оснащенности. В то же время Петрозаводская уездная земская управа признавала, что «все школы, ныне существующие в местностях с карельским населением, далеки от идеала и, наверное,

¹ *Попов Г.* О панфинской пропаганде и мерах для борьбы с нею. Петрозаводск, 1907. С. 11.

² НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 102/2, л. 298–305.

³ Там же; Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии за 1912 г. Вып. 1. Петрозаводск, 1913. С. 10.

⁴ НА РК, ф. 335, оп. 2, д. 4/59, л. 23–25.

во многом уступают народным школам Финляндии... Они бедны своей обстановкой, в особенности своими помещениями»¹. С 1907 г. активизировалось строительство школьных зданий, по большей части для земских училищ. В 1912 г. школы, имеющие собственные помещения, составляли 1/3 их общей численности, тогда как подавляющее большинство школ вплоть до 1917 г. размещалось в наемных помещениях, чаще всего – в крестьянских домах².

Еще хуже было состояние учебных зданий в Беломорской Карелии. В 1908 г. лишь половина школ этого региона размещалась в собственных домах, остальные находились в приспособленных помещениях, 10 из 26 учебных заведений края не имели специальной школьной мебели. По впечатлениям чиновника того времени, «нанятые под училища помещения большей частью холодны, угарны, сыры, без вентиляции, плохо ремонтируемы, расположены в неудобном месте и пр., только особые обстоятельства заставляют пользоваться такими помещениями...». Нередко сельские общества из экономии средств арендовали далеко не самые хорошие помещения, отказывались обеспечивать школы отоплением и освещением³.

Те школы, которые располагались в специальных помещениях, производили благоприятное впечатление, нередко это было лучшее здание в деревне. В путевых заметках учителя М. И. Бубновского (1913 г.) есть описания некоторых школ. По его мнению, здание школы в Юшкозере представляло собой «великолепный особняк», а школа одного из лучших училищ в крае – Панозерского – выглядела на фоне почерневших домов деревни «как дворец»⁴. Интересно также сделанное путешественником описание внутреннего устройства школ. Например, о Костомукшском училище он писал: «Здание училища не хуже Мининского. Большой класс, просторная для интернов спальня, столовая, кухня, широкий длинный теплый коридор (служащий рекреационным местом). Для учащего (учителя. – *О. И.*) – две комнаты. Везде чисто, выкрашено, свету „хоть отбавляй“. Много учебных наглядных пособий, порядочная – в качественном отношении – ученическая библиотека. Аптечка, волшебный фонарь <...> Для учащего выписываются два педагогических журнала»⁵.

¹ НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 102/2, л. 44.

² Школьная статистика. Вып. 1. С. 14; Школьная статистика. Очерк о состоянии народного образования в Олонецкой губернии за 1915–16 учебный год. Вып. 4. Петро-заводск, 1917. С. 1.

³ Архангельская Карелия. С. 75–78.

⁴ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии. Архангельск, 1914. С. 29, 65.

⁵ Там же. С. 38.

К 1 января 1914 г. «иностранческие» школы составляли ровно четверть всех школ Олонецкой губернии. Здесь имелись 564 русские школы и 187 «иностранческих», для детей карел и вепсов. Эти пропорции соответствовали этническому составу населения. В волостях с «иностранческим» населением к 1914 г. имелось также 12 школ повышенного типа (двухклассных и второклассных). Несмотря на уплотнение сети школ, продолжали появляться приговоры сельских обществ об открытии учебных заведений: крестьяне хотели иметь «свою» школу, чтобы избежать дополнительных расходов, которые возникали при обучении детей «на стороне». Власти также не были удовлетворены положением в сфере народного образования. О необходимости открытия новых школ в Карелии писал в 1912 г. и генерал-губернатор Финляндии Ф. А. Зейн министру просвещения Л. А. Кассо: «В Финляндской Карелии раскинута целая сеть народных финских школ, причем значительное их число расположено на самых границах Олонецкой и Архангельской губерний. Последнее обстоятельство ведет <...> нередко к тому, что проживающие в пределах Империи карелы за отсутствием в близости их местожительства русских низших училищ отдают своих детей за пограничную черту Финляндии в указанные финские школы. Наилучшим противовесом этому прискорбному явлению могло бы служить, по моему мнению, возможно широкое развитие русского школьного дела в приграничных с Финляндией местностях помянутых губерний»¹. Министерство обещало принять все меры для скорейшего обеспечения школами карельской местности². Активная работа по созданию русских школ была развернута в населенной карелами юго-восточной части Финляндии. В 1911 г. дирекция одной из таких школ, расположенной в Оружъярви (Северное Приладожье), ходатайствовала о строительстве общежития в связи с притоком учеников из соседних приходов Российской Карелии³.

Лексика документов о состоянии школ в карельском приграничье, подготовленных для Министерства народного просвещения, в полной мере отражала идеологическую направленность школьной работы в регионе, идею создания форпоста, оборонного рубежа, «щита из школ», высказанную на Видлицком съезде. «Пограничные школы» (это понятие уже вошло в обиход) сгруппированы в отчетах в две

¹ Kansallisarkisto, ККК, Hd 102. Копия письма Ф. А. Зейна Л. А. Кассо. 1 июня 1912 г.

² Ibid., Hd 32 (2). Материалы канцелярии. 1912 г.

³ Kansallisarkisto, ККК, С 1. Журналы заседаний СовеЩательного комитета по делу русских училищ в Финляндии. Протокол от 22 октября 1911 г.

«линии», держащие идеологическую оборону. Передовая линия включала 8 школ, следующая – 5¹.

Укрепление позиций русской школы сопровождалось попытками перетягивания в них учеников-карел и даже православных финнов из соседних деревень княжества. Не ослабевали усилия и противоположной стороны. Школьники в пограничных волостях нередко прерывали обучение на родине и доучивались в Финляндии, видя в этом больший практический смысл. В 1913 г. журнал Союза беломорских карел «Karjalaisten Pakinoita» («Карельские разговоры») констатировал: «В настоящее время многие из карел отдали своих детей в народные школы Финляндии», попутно также отмечалось, что Союз предложил родителям из Финляндии и Беломорской Карелии «обменяться детьми школьного возраста»². Наиболее ярким примером борьбы «за души» учеников является ситуация в деревне Рая-Сельга, разделенной границей на две части. Одна часть относилась к Олонецкой губернии, другая – к Выборгской, в той и другой имелись школы. Ученики «перетекали» из одной в другую, а конкурировавшие учебные заведения вынуждены были всеми доступными средствами повышать привлекательность школы. Такое соперничество, вызывавшее раздражение властей по обе стороны границы, стимулировало прогресс в материальном обеспечении и благоустройстве школ³.

Страх российских властей перед идеологической экспансией из Финляндии способствовал развитию школы в карельских районах. Парадоксально, что в школе, провозглашавшейся щитом православия на российской окраине, с оглядкой на лютеранскую Финляндию пересматривались содержание школьной работы и устройство учебного быта, ставилась задача «поднять школу до уровня финской», чтобы у карел не возникало соблазна обучать своих детей в школах княжества. В борьбе за «чистоту православия» окреп модернизационный вектор в школьной работе. Дискурсы о российской самобытности и использовании западных образцов вновь вступали в противоречие.

¹ НА РК, ф. 335, оп. 1, д. 6/98, л. 2–4.

² Karjalaisten Pakinoita. 1913. N 10.

³ Витухновская М. А. Российская Карелия и карелы... С. 252–253.